

Шталович А. М.,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
Днепропетровского национального университета
имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ СЕМЬИ В «ЭПОХУ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ»

Аннотация. Охарактеризовано состояние семьи в «эпоху постметафизического мышления» как процессуальный онтологический проект. Определены Истоки этого проекта в иррационализации метафизических оснований семьи в доктринах второй половины XIX – начала XX столетия (А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсон, В. Розанов, Н. Бердяев, З. Фрейд).

Описаны характеристики традиционной семьи в современности как тотальная плюральность, выражаемая главным постмодернистским символом – ризомой, которая проявляет себя сегодня во множественной фамилистичности.

Ключевые слова: семья, социальная политика, метафизическом мышление, ризома

Семья – важнейший атрибут человеческого бытия, фундаментальный признак антропосоциума, осмыслению которого в истории философии были посвящены работы Аристотеля, Августина, Т. Гоббса, Г. Гегеля, С. Кьеркегора, Ф. Энгельса, Г. Спенсера, В. Розанова, И. Ильина, С. Троицкого, Д. Гильдебранда и др. Но, начиная с XX столетия, тема семьи была в большей степени монополизирована социологией, психологией, демографией и социокультурной антропологией. Однако каждая из наук, обособленно изучавшая этот многогранный феномен, оказалась не в состоянии охватить его во всей полноте, что и привело к выдвиганию идеи о междисциплинарном синтезе наук о семье (А. Антонов, В. Медков, Е. Рашковский). Указанный синтез, по своей сути, связан с решением философской задачи рассмотрения семейной формы человеческого бытия с наиболее общей точки зрения.

В данном русле актуальным для исследования семьи является метафизический метод. В то же время, применение метафизики для исследования семьи сталкивается с возражением теоретико-методологического характера: уместно ли применение метафизического метода сегодня? С наступлением эпохи постмодерна в философском дискурсе даже встречается утверждение о вступлении в стадию постметафизического мышления [28].

Отвечая на данное возражение, следует подчеркнуть, что современные рассуждения о «конце метафизики», по мнению автора статьи, являются преувеличением. Как известно на протяжении истории философии метафизика неоднократно подвергалась критическому пересмотру и, тем не менее, оставалась актуальной. Тема «конца метафизики», как справедливо подчеркивает Ж. Бенуа, смущает своим глобальным, эпохальным, абсолютным характером: словно мы находимся в каком-то потустороннем мире, из которого могли бы судить обо всем остальном. Такая констатация (согласно которой мы находимся «по ту сторону» и что-то уже полностью завершено), а тем более такое предписание (держаться «по ту сторону»), будь оно даже возможным, по мнению исследователя, выглядят крайне проблематичными. Ж. Бенуа акцентирует внимание на том, что сложность хайдеггеровской и постхайдеггеровской проблематики преодоления метафизики связана с ее собственно метафизическим характером [3, с. 214–215]. Даже такие направления неклассической философии как марксизм и неопозитивизм, которые наи-

более радикально «разрывали» с метафизикой, на самом деле все же оставались в ее фарватере. Так, Ю. Романенко справедливо отмечает, что марксизм-ленинизм, на словах отмежевывающийся от метафизики, на деле проводил метафизический принцип, осуществлявшийся на основе абсолютизированной категории материи и изначально полагающий дуализм предистории и коммунизма [23, с. 27].

Рассмотренные аргументы свидетельствуют о том, что и сегодня речь идет не столько о «постметафизическом мышлении», сколько о новом базисе метафизики. Так, к примеру, еще Вл. Соловьев, классифицируя метафизические системы, выделял динамическую процессуальную метафизику наряду со статической субстанциальной метафизикой [25, с. 242]. Аналогично И. Евлампиев пишет о появлении «неклассической метафизики», в которой время и становление являются главными определениями Абсолюта [16]. Примером разработки такой метафизики является «неоклассическая метафизика» Ч. Хартсхорна [30], который полагал необходимым обогатить классическое понимание метафизики (метафизики бытия) процессуальными и релятивистскими категориями (время, становление, событийность). Аналогичный переход к процессуальному типу метафизики можно констатировать и у Ж. Делёза. Он восстает против предданности смыслов [14] и через постулирование «номадического мышления», доиндивидуальных «номадических сингулярностей» (кочующая единичность, взамен классическому субъекту) пытается уйти от метафизического стиля мышления. Ж. Делёз предлагает распределять атрибуты не по ранжиру, как это происходит в «государственной философии», а анархически. Именно таким образом кочевники-номады произвольно растекаются по той или иной территории, границей которой выступает чужой мир [11, с. 10–11]. Однако в данном случае речь идет не столько об альтернативе порядка, сколько о диссипативном порядке. То есть Ж. Делёз, не столько уходит от метафизического стиля мышления, сколько избирает новый метафизический базис – категорию становления.

Таким образом, в данной статье с учетом нового метафизического базиса рассмотрим особенности современного понимания семьи, которое охарактеризуем как *процессуальный* онтологический проект.

Истоки этого проекта берут начало в иррационализации метафизических оснований семьи в доктринах второй половины XIX – начала XX столетия: мировая воля у А. Шопенгауэра, воля к власти у Ф. Ницше, жизненный порыв у А. Бергсона, стихия пола у В. Розанова, свобода у Н. Бердяева, желание у З. Фрейда. Каждый из перечисленных мыслителей, так или иначе, высказывал критику в отношении традиционного понимания семьи и склонялся к ее процессуальному толкованию.

Свой вклад в становление процессуального проекта семьи внес и позитивистский (неопозитивистский) подход к ее познанию. Позитивизм продолжает традицию номиналистической критики метафизики. Его представители, исходя из принципа верификации, инкриминируют метафизике, что она утверждения о словах воспринимает как предложения об объектах, чем ставится под вопрос осмысленность самих метафизических утверждений. Так, согласно Л. Витгенштейну [8], каждое «осмысленное предложение» должно быть выводимо и целиком логически сводимо к единичным («элементарным») предложениям наблюдения. В противном же случае предложение оказывается невыводимым, а, следовательно, «бессмысленным псевдопредложением». Обратим внимание, что данная позитивистская установка весьма повлияла на исследование семьи. В частности, из социологических определений семьи, проникнутых духом позитивизма, исчезает «метафизическое» понятие любви, которое эмпирически не верифицируемо, а значит бессмысленно. «Одномерное» (антиметафизическое) восприятие реальности, присущее позитивизму, попутно исключает и семью. Позитивизм обесценивает в качестве не верифицируемых также сакральность и религиозность, чем подтачивает традиционные корни брака. Подобно тому, как бессмыслен для позити-

визма вопрос о добре и зле, в тот же разряд попадает и вопрос о целомудрии. В результате сексуальные отношения становятся профанными, функциональными и утилитарными, что открывает возможность без религиозных или этических «предрассудков» получать большее удовольствие. Под воздействием позитивистского духа наука бесцеремонно вторгается в самую интимную и сокровенную область. Сексуальные отношения становятся объектом научного рассмотрения. Существенный шаг в этом направлении был сделан З. Фрейдом, но дальнейшие, более смелые шаги, были на счету не менее позитивистски настроенных ученых: А. Кинси, У. Мастерса и В. Джонсон.

В 1935 году А. Кинси, которого по праву называют «отцом сексуальной революции» (которая была актуализирована в западных странах в 60-е годы), выдвинул смелое по тем временам предположение о том, что задержка первого сексуального опыта очень вредна с психологической точки зрения. То есть половое воздержание, которое сторонники традиционной морали навязывают молодежи, на самом деле, по его мнению, имеет негативные последствия. Для подтверждения своих идей, А. Кинси начал многолетние исследования. Вместе со своими сотрудниками он опросил около 18000 американцев. В результате, появились знаменитые «Отчеты Кинси» (Kinsey Reports). Первая часть «Половое поведение самца человека» [33] была выпущена в 1948 году. Вторая часть – «Половое поведение самки человека» [32] увидела свет в 1953 году. Эти книги, как отмечает А. Соболевский, сразу стали бестселлерами и принесли ему скандальную славу [24, 7].

Его последователи В. Мастерс и В. Джонсон отважились на еще более смелые научные исследования. Впервые в истории науки физиология полового акта подверглась экспериментальному исследованию. К 1965 году ими был накоплен материал наблюдаемых в лабораторных условиях 10000 половых актов 700-та мужчин и женщин. На основании этих данных ими была опубликована ключевая работа «Сексуальные реакции человека» [34].

Таким образом, секс утратил сакральность и обрел функциональность. И подобно тому, как за научными открытиями Нового времени пришло время просветителей, так и за научным исследованием сексуальной жизни в общество вместе с «сексуальным освобождением» пришло «сексуальное просвещение». Однако, как справедливо (вслед за М. Фуко) подчеркивает Б. Марков, парадокс «сексуального освобождения» заключается в том, что чем больше люди думают или говорят о сексе, тем в большую зависимость от него попадают [22, с. 8]. После этого неудивительно, что в современном обществе «прогрессивной» и необходимой становится профессия сексопатолога.

Следующая волна нарастания «процессуальности» – постмодернистская гендерная революция. Она возникает как продолжение позитивистской программы. Раз нет истины, нет норм, следовательно, экспериментировать и ищи свою идентичность. Дионисийский избыток сексуальности, размывка гендерных стереотипов, перемешивание половых ролей приводят к феномену транссексуальности, о котором пишет Ж. Бодрийяр, подчеркивающий, что сексуальная революция лишь этап на пути к транссексуальности [4, с. 38]. Как отмечает Б. Марков, отказ от ограничений и запретов привел к тому, что все стало сексуальным, и от этого секс как бы растворился и исчез. Наблюдая за изменениями антропологического вида и сексуальных ориентаций у молодежи, можно прийти к выводу, что все становятся транссексуалами (если буквально понимать это слово, как «выход за пределы сексуальности»), «полыми» или, точнее, бесполоыми людьми, занимающимися сексом исключительно знаково и механически. Люди перестали считать секс и политику главными проблемами, освободились от «зова пола», от власти идей и тирании вождей. Они лишились как полового, так и государственного инстинкта. Родина, мать, жена, дети, подчеркивает исследователь, – все это перестало быть тем, что раньше люди берегли и защищали преданно и безрассудно. Кажется, что

с растворением сексуального обрывается еще одна нить, связывающая человека с «почвой». Сначала «умер Бог», потом стали бороться против собственности, власти, государства и мужского господства. Сегодня философы объявили о смерти человека и, наконец, самой философии. Все эти манифесты от безобидных философских призывов до грозных идеологических манифестов и шумных политических акций сопровождаются часто незаметными изменениями повседневных форм жизни [22, с. 5–7]. Резюмируя справедливые доводы исследователя, подчеркнем, что одной из таких изменившихся форм сегодня является семья, перешедшая к своей процессуальной метаморфозе.

Однако, наиболее ключевыми для процессуального проекта семьи, по мнению автора статьи, являются взгляды *Ж. Делёза и Ф. Гваттари*. Как уже подчеркивалось, эти мыслители попытались уйти от метафизического стиля мышления через постулирование «номадического мышления». Их работы были выполнены в русле той антиметафизической «обрезки» культуры, которая достигает в эпоху постмодерна своего максимума. Метафизика, как полагают постмодернисты, – это «насильственная» попытка навязать многообразному эмпирическому миру некоторую форму единообразия, что является контрпродуктивным. Семья как модернистское понятие также притязает навязать человеческим отношениям метафизический идеал единства. Поэтому семья вместе с другими метафизическими понятиями претерпевает в современном мире осаду критики.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари сетуют на то, что значимость семьи преувеличена. Семью продолжают упорно рассматривать в качестве матрицы или даже микрокосма, выразительной среды, значимой самой по себе [13, с. 153–154]. С точки зрения философов, семья напротив – это подавляющая псевдоструктура. Она постоянно перекраивает «желающее производство» [13, с. 198–199]. По своим функциям семья приравнивается мыслителями к «фашистским параноидальным формациям», которым противостоят «шизоидные революционные потоки» [13, с. 634–635]. Поэтому в качестве задачи, разрабатываемого ими шизоанализа, они указывают: «разобрать выразительное эдипово бессознательное – всегда искусственное, репрессивное и подавленное, опосредованное семьей, – дабы достичь непосредственного производящего бессознательного» [13, с. 158–159].

Бессознательное, по мнению *Ж. Делёза и Ф. Гваттари*, первичнее семьи. Во-первых, обосновывая данную идею, они подчеркивают важность несемейного опыта. Маленький ребенок, подчеркивают философы, постоянно остается в семье; но именно в семье с самого начала он безо всяких посредников получает несемейный опыт, которому психоанализ дает ускользнуть. Таким образом, ребенок с самого юного возраста живет желаемой жизнью, обладает целым ансамблем несемейных отношений с объектами и машинами желания, который не соотносится с родителями [13, с. 78–79]. Во-вторых, они подчеркивают децентрированность семьи. По их мнению, семья никогда не является микрокосмом в смысле некоей автономной фигуры, пусть даже и вписанной в более обширный круг, который она якобы опосредует и выражает. Откуда, – задают вопрос мыслители – берутся срезы и их распределение, которые как раз и мешают семье стать чем-то «внутренним»? Семья не порождает эти срезы. Семья срезана срезами, которые сами не являются семейными, – Коммуной, делом Дрейфуса, религией и атеизмом, войной в Испании, подъемом фашизма, сталинизмом, войной во Вьетнаме, маем 68-го... – все это, по мнению *Ж. Делёза и Ф. Гваттари*, формирует комплексы бессознательного, куда более действенные, чем извечный Эдип» [13, с. 156–157]. Они приходят к выводу, что бессознательное по своей сути сиротское, анархистское и атеистское [13, с. 489].

Острые своей критики *Ж. Делёз и Ф. Гваттари* направляют против психоанализа и в частности против эдипизации. Мыслители подчеркивают, что с XIX века изучение душевных болезней и безумия остается в плену у фамилиалистского

постулата и его коррелятов. Они пишут, что «... фамилиализм психоанализа, замыкающий бессознательное в Эдипе, связывающий его с обеих сторон, раздавливающий желаемое производство, принуждающий пациента отвечать «папой-мамой», постоянно потреблять папу-маму» [13, с. 149-150].

Ссылаясь на исследование М. Фуко, они пишут о том, что психиатрия XIX века одновременно представила семью в качестве причины и судьи болезни, а закрытую лечебницу – в качестве искусственной семьи, покрывая как безумие, так и лечение вездесущим отношением отца к сыну [13, с. 565–566]. Вина психоанализа заключается в том, что психоаналитики, делая «аналитическую ситуацию» инцестуозной по самой своей сущности и протягивая желанию кривое зеркало инцеста («ну, ты этого хотел») унижают, оглушают и загоняют в безвыходное положение желание, при этом с легкостью убеждают в необходимости отказаться от «самого себя» ради высших интересов цивилизации [13, с. 190–191, 483–484].

Мыслители делают вывод о возможности иного, *процессуального* определения семьи: «Эдип – это производное паранойи. Тогда как шизофреническое инвестирование управляет совсем иным определением семьи, трепещущей, разодранной измерениями общественного поля, которое не замыкается и не ограничивается, – семьей-матрицей для деперсонализированных частичных объектов, которые снова и снова окунаются в бурлящие или истощившиеся потоки исторического космоса и исторического хаоса» [13, с. 439].

Таким образом, место традиционной семьи в современности занимает «ризоматическая» и «хаосмотическая» (пользуясь неологизмами Ж. Делёза и Ф. Гваттари [15, с. 11]) семья, которая предстает как *микроризома* и *микрочаосмос*.

Рассмотрим основные характеристики «хаосмотической» семьи. К ним отнесем следующие: *тотальная плюральность, «текучесть», игра, симуляция, десубъективизация.*

Тотальная плюральность, выражающая главный постмодернистский символ – ризому, проявляет себя сегодня множественностью вариантов: альтернативных семей, гомосексуальных и трансгендерных союзов, а также современного варианта полигамии – «последовательной полигамии» (П. Лэндис), как череды «гражданских» браков и внебрачных сожительств.

Таким образом, тотальная плюральность проявляет себя в кратиловском значении: нет ничего постоянного, все изменчиво, *текуче*. Не случайно социолог З. Бауман характеризует современное состояние, в которое мы входим, как жидкую, «текучую» современность (идентичность), когда преобладают слабые связи. Он пишет, что место работы сегодня воспринимается не как общее постоянное место жительства, где человек собирается стойко переносить неприятности и терпеливо выработать приемлемые правила общежития, а как палаточный лагерь, где он остановился лишь на несколько дней и может покинуть его в любой момент, если предлагаемые удобства не предоставлены или неудовлетворительны. Исследователь сравнивает это также и с современным браком. По его мнению, это роковое изменение подобно переходу от брака к «жизни вместе» со всеми логически вытекающими установками и стратегическими последствиями, включая допущение о временности соительства и возможности разрыва отношений в любой момент и по любой причине, как только иссякнет необходимость или желание [2, с. 160–161].

Для характеристики указанных свойств уместна также характеристика *игры*. Человек играет, в том числе и в семью. Живет не по-настоящему, а примеряет роль, которую в случае чего можно поменять. Общество игры одновременно становится и обществом *симуляции*, обществом гиперреальности [5]. Так, к примеру, по Ж. Бодрийяру, сексуальность – это симулякр секса. Аналогичным симулякром становится и семья, которая все более переходит в область экранных коммуникаций. Многочисленные шоу и сериалы задают сегодня эту реальность, реальность

без оригинала. Все указанные процессы тесно увязаны с феноменом *десубъективизации*. Субъект, как убеждают постмодернисты, исчез («смерть автора»), остались – машины желаний.

Следующая характеристика «хаосмотической» семьи – *модернизация*, которая противопоставляется кризису семьи.

Констатации кризиса семьи или даже призывы к ее упразднению неоднократно звучат с самого начала XX столетия и по сей день. Так, в 1908 году С. Громан рассуждает о «пантагамии» как альтернативе традиционной моногамии в книге «Всебрачие будущего» [12]. В 1916 году выходит работа П. Сорокина «Кризис современной семьи» [26], в которой он описывает характерные следствия кризиса: растущий процент разводов, уменьшение числа браков и падение рождаемости, рост внебрачных союзов и проституции. После непродолжительного «беби-бума», обусловленного двумя мировыми войнами, весомый удар по традиционным семейным ценностям в XX столетии наносит сексуальная революция. Рассуждая о данном феномене, П. Сорокин [35] утверждал, что указанная революция изменяет жизнь людей более радикально, чем любая другая. Под сильным влиянием средств массовой информации, постоянно муссирующих интимные подробности из жизни «звезд», формируется новая модель для подражания и происходит «сексуализация» общества, что выражается в неспособности людей к длительным семейным отношениям. Результат «освобождения сексуальности» не заставил себя долго ждать. Упадок семьи и родственных отношений как источников социальной сплоченности, растущий уровень социальной дезорганизации и снижающийся уровень социального доверия, поработавший эгоизм потребительского общества (эгоизм отдельного человека, эгоизм вдвоем и, как следствие, – общественный эгоизм), мотивацией которого являются интенсивные поиски максимального счастья и немедленного удовлетворения желаний, а вместе с этим пропаганда «безопасного секса» и развитие «про-абортного» мышления внесли существенный вклад в появление «Великого Разрыва» [27, с. 90–91], формирование «антицивилизации» [19, 13–14] и «культуры смерти» [18, с. 50]. Последовавшее за указанными процессами снижение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения на фоне распространения добрых и внебрачных союзов, были названы исследователями «вторым демографическим переходом» [31; 21]. Демографические проблемы сегодня оказались весьма актуальны и нередко вызывают опасения. Так, к примеру, известный социолог А. Антонов предостерегает сограждан: «Мы вырем, если не провозгласим политику семьецентризма» [1].

Наряду с демографическим кризисом, разрушение института семьи (весьма символически в этом отношении звучит название книги Д. Купера «Смерть семьи» [29]) угрожает существованию общества как такового, на что неоднократно обращали внимание исследователи. Так, по мнению И. Ильина, «... великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи. ... Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности, ... если духовность колеблется и слабеет, то она слабеет прежде всего в семейной традиции и в семейной жизни. Но, раз поколебавшись в семье, она начинает слабеть и вырождаться – и во всех человеческих отношениях и организациях: большая клетка создает больные организмы» [17, с. 132]. Проблема кризиса семьи, согласно А. Бэтлеру, сегодня не менее актуальна, чем проблема международного терроризма, на борьбу с которым тратятся миллиарды долларов, и при этом в полной мере не осознается, что пагубный эффект от развала семьи на порядки превосходит ущерб от всех террористов вместе взятых [7, с. 5]. Один из активных защитников традиционных семейных отношений А. Карлсон пишет: «... сможет ли семья выжить в XXI веке? «Нет», если не установить контроль над биологическими науками. Стремительный прогресс в области искусственного оплодотворения, геной инженерии, клонирования и

эмбрионального развития вне матки превращает кошмарный мир О. Хаксли в не столь отдаленную перспективу. В этом «дивном» мире, следует напомнить, браки запрещены, слова *отец и мать* непроизносимы, семья вызывает отвращение. В новом столетии мы должны научиться говорить «нет» той науке, которая ставит под угрозу само существование человека. Иначе та семья, какой мы ее знаем, исчезнет» [20, с. 61].

В то же время другими исследователями сегодняшнее состояние семьи воспринимается как модернизация. С точки же зрения сторонников данной концепции, семья и так наиболее стабильная общность в истории, а количественные ряды негативных статистических данных, сколь бы внушительными они ни были, фиксируют лишь данность, не объясняя глубинных социальных преобразований. Сегодня мы имеем дело не столько с кризисом, сколько с трансформацией семьи и ее переходом от традиционной формы (моногамии) к новым альтернативным формам. Следовательно, эволюционные процессы не должны вызывать тревогу и, соответственно, позиция сторонников «кризиса семьи» есть «недопонимание имманентных закономерностей трансформации моногамии» [9, с. 49–50; 10, с. 1–2].

Полярность указанных позиций порождает и противоположные научные рекомендации в сфере социальной политики. К примеру, Ф. Фукуяма полагает, что распад расширенных семей на нуклеарные семьи, произошедший вследствие индустриализации не является пределом модернизации. Во время «Великого разрыва» самой нуклеарной семье грозит упадок, что ставит под угрозу базовую функцию семьи – продолжение рода. Исходя из этого, исследователь высказывает опасения демографического характера, так как, по его мнению, остается не ясным, существует ли в отношении воспроизводства потомства хороший заменитель нуклеарной семье [27, с. 60–61]. Исследователь С. Голод, напротив, предлагает, вместо «поворачивания истории», думать о том, как обществу приспособиться к развитию в условиях низкой рождаемости с отрицательным естественным приростом и значительным притоком мигрантов [10, с. 18–19]. В связи с этим, не случайно концепцию «кризиса семьи» характеризуют еще как *алармистскую* (от англ. alarm – «тревога»), а концепцию «модернизации семьи» – как *либеральную* (от лат. liber – «свободный»). Если сторонники первой призывают к принятию срочных мер на государственном уровне для возврата к семье с двумя родителями и несколькими детьми; то сторонники второй, напротив, ратуют за снятие вопросов семейной политики, направленных на восстановление или укрепление семейно-брачных институтов, а государственные программы, по их мнению, должны направляться лишь на коррекцию социальных девиаций, неизбежно сопровождающих эволюционные процессы [6, с. 1223–1224].

В конечном итоге, решение вопроса о кризисе или модернизации семьи, по справедливому мнению П. Амато, лежит не столько в научной, сколько в *идеологической, ценностной*, и добавим – метафизической плоскости.

Итак, состояние семьи в «эпоху постметафизического мышления» охарактеризовано как процессуальный онтологический проект. Истоки этого проекта берут начало в иррационализации метафизических оснований семьи в доктринах второй половины XIX – начала XX столетия (А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсон, В. Розанов, Н. Бердяев, З. Фрейд). Ключевые положения процессуального проекта семьи были разработаны Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, которые избирали базисом категории становления, процессуальности, желания. По мнению мыслителей, семья постоянно перекраивает желающее производство, останавливает шизопотоки. В этом ей помогает психоанализ, который культивирует «фамилиализм» и удерживает европейцев «под игом папочек и мамочек», замыкая бессознательное в Эдипе. Место традиционной семьи в современности занимает «хаосмотическая» (пользуясь неологизмом Ж. Делёза и Ф. Гваттари) семья. Ее главная характеристика – тотальная плюральность, выражаемая главным постмодернистским сим-

волом – ризомой, проявляет себя сегодня во множественной фамилистичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Антонов А. И. Мы вымерем, если не провозгласим политику семьецентризма / А. И. Антонов // Российская Федерация сегодня : Общественно-политич. журнал Федерального собрания. – 2010. – №8. – С. 38–39.
2. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
3. Бенуа Ж. Преодоления метафизики / Ж. Бенуа // Историко-философский ежегодник'2010. – М. : Центр гуманитарных инициатив. – 2011. – С. 205–222.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула, 2013. – 204 с.
6. Бурханова Ф. Б. Брак с позиций гендерного теоретико-методологического подхода / Ф. Б. Бурханова // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, №3(1). – С. 1222–1230.
7. Бэттлер А. О любви, семье и государстве. Философско-социологический очерк / А. Бэттлер. – М. : КомКнига, 2006. – 168 с.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избранные работы / Л. Витгенштейн ; Пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М. : Территория будущего, 2005. – С. 11–228.
9. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. – СПб. : Петрополис, 1998. – 272 с.
10. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи [Электронный ресурс] / С. И. Голод // СоцИс. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-01/golod.pdf> (дата обращения: 20.06.2015). – Название с экрана.
11. Грицанов А. А. Жиль Делёз / А. А. Грицанов. – Мн. : Книжный Дом, 2008. – 320 с.
12. Громан С. Г. Всебращие будущего (Пантагамия): Предсказание / С. Г. Громан. – СПб. : Мечта и жизнь, 1908. – 95 с.
13. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория, 2008. – 672 с.
14. Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз; М. Фуко. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
15. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; ИФ РАН. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – 894 с.
16. Евлампиев И. И. Неклассическая метафизика или конец метафизики? Европейская философия на распутье / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. – 2003. – №5. – С. 159–170.
17. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. Ильин. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с. – (Русская цивилизация).
18. Иоанн Павел II. Окружное послание Evangelium Vitae (Евангелие жизни) / Иоанн Павел II. – Париж : Рус. мысль ; Москва : МИК, 1997. – 195 с.
19. Иоанн Павел II. Послание семьям (Gratissimum sane) [Электронный ресурс] / Иоанн Павел II. – Ватикан. – 1994. – Режим доступа: <http://www.ioannpavel.ru/2010/01/17/408>. (дата обращения: 20.06.2015). – Название с экрана.
20. Карлсон А. Общество – семья – личность: Социальный кризис Америки / А. Карлсон ; Пер. с англ. под ред. А. И. Антонова. – М. : Грааль, 2003. – 287 с.
21. Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии / М. А. Клупт // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 60–71.
22. Марков Б. В. Реквием сексуальному // Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Калугин. – СПб. : Владимир Даль, 2000. – С. 5–34.
23. Романенко Ю. М. Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания / Ю. М. Романенко. – СПб. : Алетейя, 2003. – 779 с.
24. Соболевский А. Революция любви или вырождение? / А. Соболевский. – Калининград : ИСКИС, 2012. – 373 с.
25. Соловьев В. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10 / В. С. Соловьев ; Под ред. и с прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. – 2-е изд. – СПб. : Просвещение, 1914. – 527 с.
26. Сорокин П. А. Кризис современной семьи: социологический очерк / П. А. Сорокин // Вестник Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология : науч. журнал. – 1997. – № 3. – С. 65–77.
27. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ ; Ермак, 2004. – 480 с.
28. Хабермас Ю. Постметафизичне мислення / Ю. Габермас ; Пер. з нім. В. Купліна. – Київ : Дух і Літера, 2011. – 280 с.

29. Cooper D. *Death of the Family* / D. Cooper. – Paperback, 2000. – 145 p.
30. Hartshorne Ch. *The Logic of Perfection and Other Essays in Neoclassical Metaphysics* / Ch. Hartshorne. – Lasalle, Ill. : Open Court, 1962. – xvi, 335 p.
31. Kaa D. *Europe's Second Demographic Transition* / D. J. Van de Kaa // *Population Bulletin*. – 1987. – V. 42, №1. – 59 p.
32. Kinsey A. *Sexual Behavior in the Human Female* / A. C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin, and Paul H. Gebhard. – Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 1998. – 842 p.
33. Kinsey A. *Sexual Behavior in the Human Male* / A. C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin. – Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 1998. – 804 p.
34. Masters W. H. *Human Sexual Response* / W. H. Masters, Virginia E. Johnson. – Toronto ; New York : Bantam Books, 1966. – 366 p.
35. Sorokin P. *The American sex revolution* / P. Sorokin. – Boston : Porter Sargent, 1956. – 186 p.

REFERENCES:

1. Antonov A. I. *My vymrem, esli ne provozglasim politiku sem'etsentrizma* [We die out if not proclaim policy family-centric] // *Rossiyskaya Federatsiya segodnya : Obshchestvenno-politich. zhurnal Federal'nogo sobraniya*. – 2010. – №8. – S. 38–39.
2. Bauman, 3. *Tekuchaya sovremennost'* [The fluid present]. – SPb. : Piter, 2008. – 240 s.
3. Benua Zh. *Preodoleniya metafiziki* [Overcoming metaphysics] // *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* 2010. – M. : Tsentr gumanitarnykh initsiativ. – 2011. – S. 205–222.
4. Bodriyyar Zh. *Prozrachnost' Zla* [Transparency of Evil]. – M. : Dobrosvet, 2000. – 258 s.
5. Bodriyyar Zh. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. – Tula, 2013. – 204 s.
6. Burkhanova F. B. *Brak s pozitsiy gendernogo teoretiko-metodologicheskogo podkhoda* [Marriage from the standpoint of gender theoretical and methodological approach] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2009. – T. 14, №3(I). – S. 1222–1230.
7. Bettler A. *O lyubvi, sem'e i gosudarstve. Filosofsko-sotsiologicheskii ocherk* [About love, the family and the state. Philosophical and sociological essay]. – M. : KomKniga, 2006. – 168 s.
8. Vitgenshteyn L. *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus] // *Izbrannye raboty; Per. s nem. i angl. V. Rudneva*. – M. : Territoriya budushchego, 2005. – S. 11–228.
9. Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. – SPb. : Petropolis, 1998. – 272 s.
10. Golod S. I. *Sotsiologo-demograficheskii analiz sostoyaniya i evolyutsii sem'i* [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family] [Electronic resource] // *SotsIs*. – 2008. – № 1. – Access mode: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-01/golod.pdf>
11. Gritsanov A. A. *Zhil' Delez* [Gilles Deleuze]. – Mn. : Knizhnyy Dom, 2008. – 320 s.
12. Groman S. G. *Vsebrachie budushchego (Pantagamiya): Predskazanie* [Common marriage in the future (Pantagamiya): Prediction]. – SPb. : Mechta i zhizn', 1908. – 95 s.
13. Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. – Ekaterinburg : U-Faktoriya, 2008. – 672 s.
14. Delez Zh., Fuko M. *Logika smysla* [Logic of sense]. – M.: Raritet ; Ekaterinburg : Delovaya kniga, 1998. – 480 s.
15. Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Plateau Thousand: Capitalism and Schizophrenia]; IF RAN. – Ekaterinburg : U-Faktoriya ; M. : Astrel', 2010. – 894 s.
16. Evlampiev I. I. *Neklassicheskaya metafizika ili konets metafiziki? Evropeyskaya filosofiya na rasput'e* [Non-classical metaphysics or the end of metaphysics? European Philosophy at the Crossroads] // *Voprosy filosofii*. – 2003. – №5. – S. 159–170.
17. Il'in I. A. *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal]. – M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2011. – 1216 s. – (Russkaya tsivilizatsiya).
18. Ioann Pavel II. *Okruzhnoe poslanie Evangelium Vitae (Evangelie zhizni)* [Encyclical Letter Evangelium Vitae (The Gospel of life)]. – Parizh : Rus. mysl' ; Moskva : MIK, 1997. – 195 s.
19. Ioann Pavel II. *Poslanie sem'yam (Gratissimam sane)* [The message to families (Gratissimam sane)] [Electronic resource]. – Vatikan. – 1994. – Access mode: <http://www.ioannpavel.ru/2010/01/17/408>.
20. Karlson A. *Obshchestvo – sem'ya – lichnost'*: *Sotsial'nyy krizis Ameriki* [Company –

Family – Personality: Social crisis America]; Per. s angl. pod red. A. I. Antonova. – M. : Graal', 2003. – 287 s.

21. Klupt M. A. Demograficheskaya povestka XXI veka: teorii i realii [Demographic agenda of the XXI century: the theory and the reality] // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2010. – № 8. – S. 60-71.

22. Markov B. V. Rekvium seksual'nomu [Requiem sexual] // Zabyt' Fuko / Zh. Bodriyar ; per. s fr. D. Kalugin. – SPb. : Vladimir Dal', 2000. – S. 5–34.

23. Romanenko Yu. M. Bytie i estestvo: Ontologiya i metafizika kak tipy filosofskogo znaniya [Genesis and nature: ontology and metaphysics as the types of philosophical knowledge]. – SPb. : Aleteyya, 2003. – 779 s.

24. Sobolevskiy A. Revolyutsiya lyubvi ili vyrozhdzenie? [A revolution of love or degeneration?]. – Kaliningrad : ISKIS, 2012. – 373 s.

25. Solov'ev V. S. Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 10 [Works]; Pod red. i s prim. S. M. Solov'eva i E. L. Radlova. – 2-e izd. – SPb. : Prosveshchenie, 1914. – 527 s.

26. Sorokin P. A. Krizis sovremennoy sem'i: sotsiologicheskii ocherk [The crisis of the modern family: a sociological essay] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18 : Sotsiologiya i politologiya : nauch. zhurnal. – 1997. – № 3. – S. 65–77.

27. Fukuyama F. Velikiy razryv [Great break]. – M. : ACT ; Ermak, 2004. – 480 s.

28. Khabermas Yu. Postmetafizychnye myslennia [Post-metaphysical thinking]; Per. z nim. V. Kuplina. – Kyiv : Dukh i Litera, 2011. – 280 s.

29. Cooper D. Death of the Family. – Paperback, 2000. – 145 p.

30. Hartshorne Ch. The Logic of Perfection and Other Essays in Neoclassical Metaphysics. – Lasalle, Ill. : Open Court, 1962. – xvi, 335 p.

31. Kaa D. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. – 1987. – V. 42, №1. – 59 p.

32. Kinsey A. C., Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin, and Paul H. Gebhard Sexual Behavior in the Human Female. – Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 1998. – 842 p.

33. Kinsey A., Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin. Sexual Behavior in the Human Male. – Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 1998. – 804 p.

34. Masters W. H., Virginia E. Johnson. Human Sexual Response. – Toronto ; New York : Bantam Books, 1966. – 366 p.

35. Sorokin P. The American sex revolution. – Boston : Porter Sargent, 1956. – 186 p.

Штало́вич О. М., доктор філософських наук, доцент, професор кафедри філософії, Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Особливості метафізичного розуміння сім'ї у «епоху постметафізичного мислення».

***Анотація.** охарактеризовано стан сім'ї в «епоху постметафізичного мислення» як процесуальний онтологічний проект. Визначено Витоки цього проекту в ірраціоналізації метафізичних підстав сім'ї в доктринах другої половини XIX - початку XX століття (А. Шопенгауера, Ф. Ніцше, А. Бергсон, В. Розанов, Н. Бердяєв, З. Фрейд).*

Описано характеристики традиційної сім'ї в сучасності як тотальна плюральність, що виражається головним постмодерністським символом - ризом, яка проявляє себе сьогодні у множинній фамілістичності.

***Ключові слова:** сім'я, соціальна політика, метафізичному мислення, ризома.*

Shatalovych O., doctor of philosophical sciences, docent, associate professor of the Department of philosophical sciences Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

Features metaphysical understanding family in the «era of post metaphysical thinking».

***Abstract.** The family status of the post-metaphysical thinking age is characterized as a procedural ontological project. The origins of this project are determined in irrationalization of metaphysical foundations of a family in doctrines of the second half of XIX - early XX century (Schopenhauer, Nietzsche, Bergson, Rozanov, Berdyaev, Freud).*

We describe the characteristics of the traditional family in modern times as a total plurality expressed by the main symbol of the postmodern - rhizome, which manifests itself today in multiple «familism».

***Key words:** family, social policy, metaphysical thinking, rhizome.*